

ПОХОДЫ СУВОРОВА В ИТАЛИИ.

В начале 1799 г. русские войска получили приказание идти на помощь австрийцам против французов. Император Павел давно уже смотрел с негодованием на насилие и захваты, которые позволяли себе французы. Так, во время похода в Египет, они захватили остров Мальту, владение рыцарского ордена главою которого считался наш Государь. Покоренным пародам они навязывали такое правление, которого те вовсе не желали, в то время когда законные государи, лишённые своих наследственных земель скитались по Европе, как бездомные. Их несчастную судьбу также принял близко сердцу русский монарх.

По совету англичан, австрийцы обратились к нему с просьбой, чтобы он, вместе с войсками, отпустил и Суворова для назначения его главнокомандующим. Император согласился и на эту просьбу. Особым рескриптом он вызвал Суворова из деревни, где фельдмаршал жил на покое. Получивши высочайший

рескрипт, Суворов облобызал его, прижал к старым ранам, и, отслуживши молебен, быстро, как юноша, полетел на зов монарха. Император милостиво принял престарелого воина, своими руками возложил ему на шею крест Иоанна Иерусалимского, причем фельдмаршал, стоя на коленях, воскликнул: «Боже, спаси царя!» — «Тебе спасти царей», сказал Государь. В распоряжение Суворова было отдано два русских корпуса: один, в 20 тыс., под начальством Розенберга, другой, в 9 тыс., под начальством Ребиндера; третий корпус, Римского-Корсакова, предназначался в Швейцарию.

Суворов выехал из Петербурга в ту самую пору, когда начиналась распутица. Проездом через Вильну, где квартировал тогда Фанагорийский полк, карета фельдмаршала остановилась возле гауптвахты. Ее окружили городские власти, толпа народа, офицеры, солдаты. Командир полка подал почетный рапорт. Суворов принял его, сидя в карете, и пожелал видеть старых сподвижников. Их подошло человек 50. «Здравствуйте, чудо-богатыри! Здравствуйте, мои милые!» Многих фельдмаршал узнавал по лицу, подзывал к себе поближе, целовал их и ласкал, как ласкают любимых детей. Солдаты переглянулись; выступил вперед гренадер Кабанов и стал просить, чтобы фельдмаршал взял свой полк в Италию. «Хотим! Желаем, отец!» подхватили седые усачи, теснясь возле кареты. Суворов обещал просить об этом Государя: сам он распорядиться не может. Живо запрягли карету; фельдмаршал отправился дальше, и впоследствии, на полях Италии, часто вспоминал фанагорийцев, а они напрасно ждали, что их не сегодня—завтра пошлют туда же. В половине марта Суворов приехал в Вену, где остановился в доме нашего посланника. В ожидании высокого гостя, зеркала, бронзу и все украшение вынесли прочь; постель приготовили на сене. Приезд Суворова, скорое вступление русских войск в пределы Австрии возбуждали надежды немцев: сам император переменился: он никогда не был так доволен и весел, как теперь, заполучивши вождя, доселе не

побежденного и 30 тыс. победоносных войск. Однако, не смотря на боевую славу, нашему полководцу не вполне доверяли и требовали, чтобы он изложил на бумаге, как он намерен действовать против французов. Когда Суворов отвечал, что он будет действовать, как укажут обстоятельства, верховный военный совет, состоявший из чиновников, потребовал, чтобы он, по крайней мере, рассмотрел их план кампании. Суворов взял карандаш, зачеркнул крестом всю записку и приписал внизу следующее: «Начну войну тем, что перейду реку Адду, а кончу ее, где Богу будет угодно». Так немцы ничего от него и не добились; но зато Суворов сразу нажил себе большого врага: это был барон Тугут, главный заправила придворного военного совета. Он привык, чтобы его волю исполняли как закон, даже главнокомандующие, хотя в военном деле ничего не смыслил. В конце марта Суворов выехал из Вены. По дороге в Италию, он обгонял русские войска, спешившие туда усиленными переходами. 3-го апреля авангарда князя Багратиона вступил уже в Верону *). Народ, узнавши, что ждут Суворова, повалил толпами за город. С радостными криками окружили итальянцы экипаж фельдмаршала, водрузили на нем знамя, и многотысячная толпа открыла шествие, шумное, торжественное, выражая свой восторг со свойственной итальянцам живостью. С трудом добравшись до своей квартиры, Суворов быстро вбежал на лестницу, переделся в фельдмаршальский мундир и вышел в приемную, где его ожидали городские и военные власти. На приветствие от граждан Суворов отвечал, что Государь прислал его выгнать французов, защитить троны и веру, дать народам мир. тишину. «Прошу, ваше высокопреосвященство, молитесь Господу за царей-государей, за нас и за все христоролюбивое воинство. А вы будьте верны Богу и государевым законам», прибавил фельдмаршал, обращаясь по-очереди к епископу и ко всем городским властям. Затем Розенберг

*) См. карту походов Суворова.

стать называть присутствующих генералов, переходя от одного к другому. Суворов стоял на вытяжку, зажмуривши глаза: «Помилуй Бог! Не слышал, познакомимся!» говорил он, делая поклон тому генералу, которого раньше не знал. Розенберг назвал Милорадовича. Суворов восторгнулся: «А! Это ты Миша! Михайло! Знаю вас таким — и Суворов показал на аршин от земли — и едал у вашего батюшки пироги! О, да какие были сладкие! Помню, помню, как вы ездили верхом на палочке. Поцелуемся, Михайло Андреевич! Ты будешь герой! Ура!» — «Генерал-майор князь Багратион!» продолжал Розенберг. Тут фельдмаршал снова открыл глаза и торопливо спросил: «Князь Петр? Это ты Петр? Помнишь ли... под Очаковым?... с турками?... В Польше?.. » Тут он расцеловал его в глаза, в лоб, в губы, прибавив: «Господь Бог с тобой, князь Петр!» Багратион был тронут до слез ласками фельдмаршала: «Нельзя не помнить, ваше сиятельство, того счастливого времени, когда служил под вашим начальством!» — На другой же день Багратион выступил из Вероны. Войска шли бодро, с песнями; их провожали пешие и конные, повозки и кареты. Многие итальянцы втискивались в ряды солдат, пожимали им руки, угощали хлебом, вином, табаком; отсталых подвозили в экипажах. Таков был первый поход русских в Италии. В г. Валеджио австрийские генералы собрали свои войска на смотр Суворову. Более часа он внимательно глядел на проходившие мимо него батальоны, и, когда смотр кончился, сказал Меласу: «Шаг хорош — победа!» Действительно, австрийские войска были хороши; их 86-ти-тысячная армия большей частью состояла из старых солдат, хорошо одетых, исправно вооруженных, содержимых в порядке и строгой дисциплине. Австрийская пехота того времени строилась для боя развернутым фронтом, побатальонно; колонны употреблялись только в походе. Главное действие пехоты заключалось в стрельбе из сомкнутого строя; для рассыпного строя употреблялась легкая пехота, вооруженная винтовками. Конница, так же как и пехота, строилась в три

шеренги; в бою стояла на флангах и бросалась в атаку с места, прямо с саблями. Но австрийские генералы не умели приспособляться к местности и, кроме того, слишком растягивали свои войска, в расчете охватить фланги неприятеля. Привыкшие ходить на помочах, как прикажут в Вене, они действовали вообще робко, нерешительно, отчего проигрывали битвы, особенно при встрече с таким противником, как французы. В обеих французских армиях, из которых одна находилась против австрийцев, а другая в южной Италии, был большой недостаток в продовольствии, обуви, даже в одежде; солдаты ходили в лохмотьях и зачастую голодали, — о них мало заботились. Но зато их молодые и талантливые генералы привыкли действовать смело, решительно, не придерживаясь правил военного искусства, заповеданных Фридрихом Великим. Они ловко передвигали войска, приспособлялись к местности, искусно пускали в дело стрелков, водили в атаку колонны, и все это живо, умело. во-время. Стрельбу производили не сомкнутым строем, как австрийцы, а больше рассыпным; целые батальоны рассыпались, имея сзади сильные резервы. Особенно это было удобно в местах лесных и гористых: густая цепь стрелков подготавливала успех, после чего колонны бросались в штыки, и почти всегда прорывали тонкий строй австрийцев. Еще нужно прибавить, что французы совершали переходы быстро и налегке, без обозов, без палаток, появляясь совершенно неожиданно то впереди, то на флангах малоподвижного противника. В виду его они переходили реки, наводили мосты, взбирались на кручи, таща на руках орудия, и кидались в битву смело, беззаветно. Одолеть французов могли только русские войска под начальством Суворова. Он обучал своих солдат почти так же, как обучали французы. Суворов приучал солдат ничего не бояться: «Испуган — на-половину побежден; смерть бежит от сабли и штыка храброго; счастье дается смелому и отважному; кто ожидает нападения, тот уж почти побежден. В атаке не задерживать. Неприятеля поражать штыками, саблями

пиками. Когда же неприятель сколот или срублен, тотчас его преследовать, не давая ему времени опомниться, собраться, устроиться. Быстрота и натиск — душа войны». Суворов также часто бросал обозы, сажал свои войска на подводы, или же шел сам впереди, не обращая внимание на отсталых. «Я действую не по часам», говорил он, а минутами: одна минута решает исход баталии». Таковы были главные правила, которых держался великий полководец. По нем были и войска. Они не ходили, а летали, не зная никаких преград — горы ли, реки, болота, сыт ли, голоден солдат — все равно: «Где проходит олень, там пройдет и солдат». В бою войска дрались со смелостью изумительной; они дрались как отчаянные, а «ничего нет страшнее отчаянных», как сказал однажды сам Суворов. Один иностранец говорил, что русские войска тверды и устойчивы, как бастионы. Однако австрийцы были недовольны, когда Суворов велел русским офицерам преподавать им главные правила своей науки. Они смотрели на русских свысока, потому что у них не было офицеров генерального штаба, не было интендантских чиновников; русская конница была не так легка и подвижна, как австрийская, артиллерия — тоже; большие обозы затрудняли движение армии. Это все, что они пока видели.

Страна, где пришлось нашим войскам бороться с французами, называется Ломбардией, страна прославленная множеством походов и битв, начиная со времен Анибала. Хотя она довольно ровная, но большое изобилие речек, а также болота мешало безостановочному движению войск; особенно жаловались австрийцы. Было приказано делать по 30 верст в сутки, отдыхать по 8 часов. Им казались такие переходы не по силам. Когда их жалобы дошли до Суворова, он сделал Меласу нагоняй: «За хорошей погодой гоняются только женщины, франты да ленивцы. Эка важность, что пехота замочила ноги!» — В половине апреля союзники подошли к р. Адде, за которой остановилась французская армия, готовая к защите. Она была растянута верст на сто, и новый главнокомандующий, генерал

Моро, не успев исправить эту ошибку, как нагрянул Суворов. Он не только заставил Моро отступить, но еще отрезал у него половину дивизии, потерявшей 250 офицеров, 5 тыс. солдат да 20 орудий. Моро отвел свою армию за р. По, а Суворов направился к Милану. Бывшие впереди казаки отбили ворота, ворвались в улицы, нахватили пленников и окружили цитадель, в которой оставался небольшой гарнизон. Рано утром, в Светлое Христово Воскресенье, вышла из города процессия навстречу войскам; впереди архиепископа несли кресты и хоругви, по бокам сплошною лентою двигались миланцы. Александр Васильевич слез с лошади, приложился к распятию и поцеловал руку архипастыря. Дальше продолжали путь вместе. День стоял чудный, теплый. Улицы, балконы и крыши домов сплошь были усеяны народом; в воздухе стоял торжественный и радостный гул. Одни радовались уменьшению налогов, потому что французы порядочно обдирали Италию; другие радовались восстановлению прежних порядков, а иные просто глядели с любопытством и великим удивлением на русских людей, особенно на казаков. В Европе думали, что мы вечно живем в снегу, вид имеем дикий, звероподобный. Между прочим, миланцы видели, как наши солдаты крестились против каждой церкви и добродушно целовались, поздравляя друг друга с праздником. На другой день, по случаю торжественного молебствия в миланском соборе, Суворов приехал в золотой карете, в мундире, при всех орденах; на всем пути от его квартиры стояли шпалерами войска. По окончании службы, когда он выходил из собора, ему бросали под ноги цветы, зелень, целовали ему руки, хватались за платье. Фельдмаршал был тронут до слез. «Как бы не затуманил меня этот фимиам: теперь пора рабочая!» сказал он тихо. За парадным обедом в числе гостей присутствовали три французских генерала. Сначала Суворов со всеми перехристосовался, заставляя по-русски отвечать: «Во истину воскрес!» а потом уж пригласил гостей садиться за стол. При этом он, как всегда, усердно потчи-

вал, шутил, забавляя всех присутствующих остротой ума и живостью беседы.

Узнавши, что Моро увел свою армию в Апеннинские горы, а армии Макдональда еще далеко, Суворов пошел на Турин, столицу короля пьемонтского, где находились огромные склады запасов, парки, большой арсенал. Кроме того, овладевши Турином, Суворов рассчитывал отрезать армию Моро от Швейцарии и Савойи, откуда она получала продовольствие. В г. Вогере нагнал русские войска Великий Князь Константин Павлович. Хотя ему было всего 20 лет, но Государь пожелал, чтобы его царственный сын прошел школу Суворова, чем оказал последнему великую честь. Когда Великий Князь приехал являться, то Суворов выскочил к нему навстречу в кителе, в каске и с подвязанным глазом. — «Что это случилось с вашим глазом, Александр Васильевич?» — «Ах, ваше высочество, вчера проклятые немогузнайки опрокинули меня в ров и чуть было не разбили всех моих косточек». — На другой день Великий Князь объезжал наши войска, объявил им царский поклон и благодарность. Жары в то время стояли страшные. Суворов всегда находился при войсках, хотя больше ехал в своей карете, или в «ковчеге», как ее называли солдаты. Этот ковчег тащили обывательские лошаденки, а на запятках стоял кривой повар Мишка. Случалось, что Суворов садился верхом, выезжал далеко вперед и ложился где-нибудь под сараем или в тени виноградника, откуда смотрел на проходившие мимо войска. Иногда он вдруг появлялся среди солдат. Начинались разговоры, шутки, смех; солдаты теснились к нему, как пчелы; задние прибавляли шагу: каждый норовил уловить хоть одно словечко. Под Турином фельдмаршал узнал, что французы хотят защищаться, а их там было всего 3½ тысячи. Город окружили войсками; приказано ставить батареи, на другой день — штурмовать. Между прочим, среди ночной тишины раздавались из цитадели выстрелы и ядра бороздили землю. Суворов, как ни в чем не бывало, стоял у фонтана, любясь прекрасною ночью. Атаман Денисов схватил фельд-

маршала поперек туловища и, не смотря на его просьбы, угрозы, даже проклятия, не смотря на то, что он вцепился ему в волосы, спустил Суворова в ров и заставил его тут переночевать. На другой день жители Турина сами открыли ворота и впустили войска. Комендант начал-было палить по городу, но Суворов приказал передать, что выведет на расстреляние всех пленных французов. После такой угрозы комендант унялся. Союзники взяли в Турине до 400 орудий, около 20 тыс. ружей и множество военных запасов; в то же время получено донесете, что сдались Александрия, миланская цитадель и Ферара, где австрийцы приобрели еще до 200 орудий. Лестно было Суворову, что везде наши войска встречали с радостью, и что в два месяца почти вся северная Италия была очищена от неприятеля. Он оставался только в некоторых крепостях, как, например, в Мантуе; армия Моро, припертая к морю, бездействовала. Но в то же самое время командование союзной армией возлагало на старого фельдмаршала много посторонних забот и причиняло ему не мало душевных огорчений. Австрийцам хотелось удержать за собой все завоевания; они во все не думали о возвращении законных государей, для чего собственно и были посланы наши войска. Суворов поступал так, как ему было указано Государем Императором, мало обращая внимание на распоряжение из Вены; тогда приказание стали приходить помимо него, прямо к подчиненным ему генералам, что было хуже всего, подрывая в войсках дисциплину. Жалобы фельдмаршала доходили в Петербурга не скоро, и пока наш Государь узнал все извороты австрийцев, они довели Суворова до того, что он хотел отказаться от звание главнокомандующего и снять фельдмаршалский мундир, пожалованный ему австрийским императором.

Между тем, употребляя наши войска для своей выгоды, австрийцы мало о них заботились. В такой богатой и плодоносной стране, как Италия, русские терпели нужду в продовольствии. На одном переходе Александр Васильевич увидел на берегу кучку солдат. Черпая ложками воду прямо из реки, они чем-то

закусывали. «Что, ребята, вы тут делаете?» — спросил фельдмаршала — «Итальянский суп хлебаем, ваше сиятельство!» — отвечали солдаты. Суворов слез с лошади, взял ложку, сам похлебал и говорит: «Хорошо! Помилуй Бог, хорошо! Сыт теперь, совсем сыт. А вот недалеко французы, только бы нам добраться до них. Найдется, чем приправить суп! Прощайте, богатыри!» — Сел на лошадь и уехал.

Во время пребывания в Турине до Суворова дошли слухи, что Моро покинул морской берег и перешел в наступление. Фельдмаршал оживился, забыл все огорчения и, поднимая войска навстречу неприятелю, не упустил ни одной мелочи похода: котлам выступать в 12 ч. ночи, за 15 верст останавливаться и варить пищу; войскам трогаться в 3 часа; на 7-й версте отдохнуть часок; после второго перехода — прямо к котлам; соснуть до 4-х; в 9 ч. —ночлег: «палатки разбиты, все готово — отдыхай». Русские сделали тогда 50 верст в сутки, за что получили благодарность в приказе по войскам. В Александрии Суворов узнал, что наступление Моро — пустой слух, но что, с другой стороны, приближается армия Макдональда, и австрийский отряд, стерегущий пути, уже потерпел от них урон. Надо было спешить. Суворов повел свою армию и, дойдя до Страделлы, узнаёт, что нужна немедленная помощь. Тогда фельдмаршал отделяет несколько казачьих полков, берет с собой князя Багратиона и скачет с ними вперед; прочим войскам дано приказание спешить. Уже французы перешли р. Тидону; правый фланг австрийцев обойден, батарея в 8 орудий захвачена; еще немного —и австрийцы погибли. Сзади показалось облако пыли — явился Суворов с четырьмя казачьими полками. Этого было мало, но тут находился сам Суворов. В один миг он обозрел поле битвы: два казачьих полка полетели во фланг полякам, обходившим австрийцев; два другие, под начальством Горчакова, племянника Суворова, кинулись на правый фланг французов. Поляки смешались, французы остановились. Но в это время уже показалась сзади головная колонна русского авангарда,

под начальством Великого Князя. Солдаты выбивались из сил; многие падали от палящего зноя, от изнурения, но самые закаленные спешили на выстрелы и стали выстраиваться сзади австрийцев. Суворов приказал двинуть все силы разом. Багратион шепнул на ухо фельдмаршалу, что в ротах не насчитается и по 40 человек, — нельзя ли повременить хотя немного? Суворов также отвечал ему на ухо: «А у Макдональда нет по 20; атакуй с Богом!» Вся линия ударила дружно, с музыкой и барабанным боем; русские шли с песнями. Французы встретили метким огнем, особенно губительным потому, что множество канав задерживали движение союзников на каждом шагу; кроме того, французы беспрестанно бросались в атаку. Суворов, разъезжая вдоль фронта, повторял: «Вперед! Вперед! Коли!» Багратион врезался в польское каре; казаки кололи и рубили во всю руку. Покончив с поляками, Багратион понесся по фронту и наскочил на фланг отступавших французов. Перед смертоносным натиском казаков их каре разорвалось: французы поспешно отступили за Тидону. — На другой день был отдан по войскам пароль: «Терезия» и лозунг: «Колин». Эти два имени напоминали австрийцам их любимую императрицу и победу над Фридрихом Великим. Утром стояло под ружьем 22 тысячи. В 10 ч. войска двинулись вперед: на правом фланге князь Багратион, за ним — дивизия Швейковского; сзади — резерв; в центре и на левом фланге — австрийцы; общий резерв под начальством Меласа. Двигаясь чрезвычайно медленно, войска перешли р. Тидону и только к 2 ч. завидели польскую дивизию, верстах в 7 от Требии. Суворов дал вздохнуть измученным войскам, после чего сам повел авангард Багратиона. Пехота ударила на поляков с фронта, казаки — с флангов. Поляки дрались отчаянно. Это были изгнанники, покинувшие отечество и ненавидевшие Суворова, покорителя Праги, Варшавы. Они работали не только штыками, но и прикладами. Наши все-таки одолели: отнявши знамя, 2 пушки и 600 пленных, заставили остальных уйти за Требию. На прочих пунк-

тах французы были гораздо слабее. К вечеру оба берега реки Требии осветились заревом костров.

К Макдональду подошли подкрепления, больше 10 тыс. Имея перевес в силах, он отдал распоряжение охватить союзников с обоих флангов: поляки должны были переправиться через Требию повыше нашего правого фланга, а две французские дивизии — пониже левого фланга; остальным наступать спереди. Но и Суворов отдал приказ к атаке. Когда союзники стали в ружье, французы начали переправу в колоннах; в интервалах шла конница; развернутые батальоны прикрывали движение с того берега. Суворов рано заметил обходное движение поляков и послал Багратиона. Пехота бросилась в штыки; казаки и австрийские драгуны охватили их с боков, так что Домбровский едва успел спастись за Требию, покинув три знамени, пушку и 400 пленных. В это время французы атаковали дивизию Швейковского; наши стали отступать, но отступали по-суворовски: они то бросались вперед, то встречали атаки французов огнем в упор. Здесь 5 батальонов дрались против 15-ти. Никогда и нигде французы не встречали такого упорного сопротивления. Розенберг поскакал к Суворову; за ним помчался Багратион. Фельдмаршал лежал в изнеможении на земле, прислонивши голову к огромному камню. «Попробуйте сдвинуть этот камень! Не можете?.. Ну, так и русские войска не могут отступать!. Извольте держаться, ни шагу назад!» — С тем Розенберг и отъехал. «Ну что, князь Петр?» спросил фельдмаршал у Багратиона. Последний доложил, что поляки отброшены, но половина людей убыла, ружья стреляют худо, а неприятель силен. «Нехорошо, князь Петр! Коня!» — и фельдмаршал, как был в рубахе, помчался к войскам Багратиона. «Заманивайте, ребята, заманивайте... шибче... бегом!» кричал Суворов впереди отступавшего батальона. Шагов через 200 он вдруг закричал: «Стой! Налево кругом!» Суворов поскакал дальше. Войска Багратиона, увидевши любимого вожда, встрепенулись: пропала усталость, огонь участился. С барабанным боем

пошли они на помощь Швейковскому и появились в тылу у французов, держа ружья на-руку. Положение дел изменилось: французы, приняв их за свежие полки, отступили за Требию. Мелас, имея сильные резервы, все-таки боялся за свой фланг и не подал помощи, как ему было приказано. Только после вторичного приказание он отделил 10 эскадронов Лихтенштейна. Лихая австрийская конница разогнала французов в центре и успела подать помощь нашему левому флангу. Тогда войска Меласа перешли в наступление, спустились в Требию, но были здесь остановлены сильным огнем с того берега В 6 ч. вечера французы очистили весь левый берег реки. Наши измученные войска не могли сделать ни шагу; Суворов не слезал три дня с лошади, хотя, впрочем, не показывал и вида усталости: он весело встретил генералов и, поздравивши их с третьей победой, сделал распоряжение на утро для перехода через Требию. Цепь аванпостов протянулась вдоль берега. Едва забрезжил свет, наши казаки увидели, что неприятеля нет. Оказалось, что Макдональд, убедившись в полном расстройстве своих войск и потерявши надежду на помощь со стороны Моро, решился немедленно отступить. Потери французов, особенно в пехоте, были велики: поляков, например, осталось 300 чел., а было 4 тысячи; во время жаркого преследование французы потеряли еще больше, — почти половину своей армии. Только Суворов мог решиться принять битву на Требии, имея в тылу армию Моро; австрийцы никогда бы на это не осмелились. Поражение на Требии привело в негодование всю Францию; она потребовала к суду своих генералов. Зато наш Государь пожаловал Суворову свой портрет, осыпанный бриллиантами, при лестном рескрипте: «Портрет мой на груди вашей да изъявить всем и каждому признательность Государя к великим делам своего подданного. Слава Богу, слава вам!» — Полки корпуса Розенберга получили гренадерский марш; всем солдатам Государь пожаловал по рублю и выслал тысячу знаков отличия. Наш Александр Васильевич гордился еще тем, что он разбил французов почти

на тех самых местах, где две тысячи лет назад нанес поражение римлянам великий карфагенский полководец Анибал, о чем рассказано в другой книге.

Теперь все свое внимание Суворов обратил на взятие итальянских крепостей; хотя такая медлительная война была ему не по душе; он рвался вперед, мечтал о вторжении во Францию, но этого требовал австрийский император, и ему оставалось повиноваться. По недостатку осадной артиллерии, австрийцы осаждали крепости поочередно: взявши одну, перетаскивали орудие и парки к другой, что, разумеется, отнимало много времени. Раньше других сдалась туринская цитадель, где союзники взяли 560 орудий, 40 тыс. ружей да столько же пудов пороху; за ней сдалась цитадель Александре; наконец, на исходе 4-го месяца блокады, сдалась Мантуя, самая сильная крепость не только в Италии, но и во всей Европе. Известие о взятии Мантуи, этого последнего оплота французов, поразило их как громом: коменданта судили во Франции как преступника и сняли с него мундир; в Вене же приняли это известие с большей радостью, чем поражение на Требии. Император Павел возвел Суворова в княжеское достоинство, с прибавлением титула: Итальянский. «Примите воздаяние за славные подвиги», писал он ему: «да пребудет память их на потомках ваших к чести и славе России». Войска австрийского генерала Края с падением Мантуи совершенно освобождались, и вот Суворов, развязанный по рукам и по ногам, мог исполнить давно задуманное, близкое его сердцу движение чрез Апеннинские горы, в приморскую область Генуи, где укрывалась армия Моро. Уже был назначен день выступления, но французы предупредили и на этот раз: 1-го августа показались французские колонны на склонах Апеннинских гор, перед сел. Нови. Их вел молодой генерал Жубер, только что вступивший в командование; восемь лет тому назад он был еще солдатом в рядах альпийской армии и на 4-м году службы произведен в генералы. Жубер сумел поднять упавший дух французов, по перешел в наступление только потому, что не

знал, как велики силы союзников, предполагая их гораздо меньше; сам же имел только 45 тыс. Французы расположились на высотах. Как видно на приложенном плане, их позиция тянулась по гребню гор, верст на 8; в ее центре, у подножия гор, они заняли городок Нови, обнесенный высокою стеною, окруженный предместьями и садами. Правый фланг французов! был отброшен далеко назад, у Серравале: там стояло 2 тыс. поляков, а левый фланг — перед дер. Пастурано. Подступы к позиции, покрытые виноградниками, садами, пересеченные заборами и канавами, были трудны сами по себе и кроме того, хорошо обстреливались сверху. С раннего утра — это было 3-е августа — Суворов разъезжал на коне, зорко высматривая положение французов; с другой стороны выехал Жубер. Перед ним, как на ладони, стояло 60 т. союзников; против левого фланга — Край с 27 тыс. австрийцев; против Нови—Багратион, за ним Милорадович — с 10 тыс.; сзади, верст на 10 — Дерфельден и Мелас с 15-ю тыс.; еще дальше — корпус Розенберга. Жубера взяло раздумье. Только тут он догадался, что Мантуя взята. Войска простояли целый день в ожидании боя. Еще не занималась заря другого дня, как правое крыло союзников атаковало левый фланг французов, перед Пастурано. Жубер поскакал на первые выстрелы и, попавши в цепь, был убит пулей наповал. Смерть вождя скрыли; его место опять занял Моро. Он послал за подкреплениями; австрийцы были сбиты с высот на всем протяжении боевой линии. Багратион, не получая приказания, поехал отыскивать Суворова и нашел его лежащим на земле, среди кучки генералов. Фельдмаршал притворился, будто спит. Услыхавши голос князя Петра, он вскочил и засыпал его вопросами. Край получил приказание повторить атаку, Багратион — взять Нови. Крепкие стены города, куда укрылись французы, не поддавались ядрам; тогда русские, под страшным артиллерийским и ружейным огнем сверху и сбоку, стали забирать вправо, чтобы подняться на высоты. Солдаты перелезали через заборы, прыгали через канавы и все-таки подвигались медленно, теряя много убитых

и раненых. Когда французы вышли из города и ударили па- шим во фланг, они, отбивши атаку, отступили. Вторая по- пытка, Багратиона и Милорадовича вместе, — также не имела успеха: французы отлично отбивались, переходя при случае в наступление. В это же время на нашем левом фланге завязался отдельный бой с французской бригадой; она как-то случайно далеко отбилась от своих. Суворов вызвал Дерфель- дена; с появлением свежих войск, вся боевая линия перешла в дружное наступление; французы бросились на высоты. Не оста- навливаясь, с барабанным боем, наши двинулись за ними, но скоро отхлынули, устилая путь трупами. Еще два раза подымался Дерфельден, и оба раза возвращался назад. Жаркое, палящее солнце прожигало насквозь: солдаты страдали от жажды, падали без чувств; многие тут же умирали. Суворов не щадил себя. Он появлялся под градом пуль, картечи, напутствуя колонны: «Не задерживайся; иди быстро, бей штыком, колоти прикладом!.. Ух, махни, головой тряхни!» При виде страшных потерь и не- удачи, огорченный фельдмаршал слез с коня и катался перед фронтом по земле: «Ройте мне могилу, я не переживу этого дня!» И стыд, и гнев терзали его душу. Однако он послал при- казание Меласу прибыть на помощь.

К 3 часам союзники успели отдохнуть, явился Мелас. и теперь французы, громившие с высот, уже были нестрашны. Две австрийские колонны пошли долиной р. Скривии, сбили поля- ков и поднялись сзади французов; русские солдаты, под на- чальством Дерфельдена, ворвались-таки в Нови, а отсюда проникли дальше, в горы, к Пастурано. Здесь, в узких деревенских ули- цах, загроможденных обозами, еще раньше столпились французы левого фланга, сбитые Краем. При появлении русских им не было другого спасения, как одиночное бегство в горы, потому что путь к Генуе был уже отрезан. Одна бригада целиком положила оружие, причем взято в плен два генерала. Равнина, скаты и гребни, лощины — все было усеяно телами бойцов; во- круг Нови трупы лежали как снопы на урожайном поле.

Ночь прекратила жаркое преследование; войска остановились на ночлег, и только дальние выстрелы в горах гулко отдавались среди ночной тишины. Один фельдмаршал не спал и готовил распоряжения для движения в горы, к морскому берегу, куда до сих пор французы скрывались и откуда появлялись, когда им вздумается. На утро все было готово к дальнейшему наступлению; но каково же было негодование Суворова, когда интенданты объявили ему, что движение надо остановить, потому что нет мулов и продовольствия! Вскоре затем Мелась получил прямое приказание от своего императора отделить свои войска и заняться устройством завоеванного края. Так рухнули надежды Суворова на окончательное истребление французов и поход во Францию! Австрийцы видимо заботились только о своих выгодах; о возвращении законных государей они вовсе не думали, а под устройством Италии разумели ее закрепощение. Только высокие милости императора Павла утешали Суворова в его душевных огорчениях, награждали его заботы о благе итальянского народа. Всем участникам битвы при Нови пожалованы щедрые царские награды; семействам убитых офицеров приказано выдавать ежегодную пенсию, а Суворову Государь написал, что он поставил себя «выше наградений»; однако и для него нашел награду, а именно: чтобы все войска, даже в присутствии Императора, отдавали фельдмаршалу воинские почести, присвоенные Его Величеству: «Достойное — достойному. Прощайте, князь, живите, побеждайте французов!» — так заканчивался Высочайший рескрипт. Надо сказать, что и народы Италии достойным образом оценили нашего полководца. В конце августа прибыла в г. Асти, где войска стояли лагерем, депутация из Турина; она поднесла Суворову золотую шпагу, усыпанную бриллиантами, с благодарственной подписью от имени всего пьемонтского народа. Изгнанные государи Италии от себя награждали Суворова или почтили его письмами; даже лакей Суворова, Прохор Дубасов, попал в милость: он получил две медали за обережение своего «барина». — Немногие полководцы видели при жизни столько почестей, сколько видел их

Суворов в последний год своей боевой жизни. Даже надменные англичане приходили в азарт при одном имени Суворова. Его причуды пришлись им по душе; каждый хотел иметь его портрет, покупал книгу, в которой рассказывалось о Суворове, зачитывался газетой, где прославляли его дела. Во время трехнедельной стоянки в г. Асти сюда стекались толпы любопытных со всех концов Европы. Приезжали иностранные министры, генералы, богатые английские лорды, чтобы только видеть знаменитого полководца, взглянуть на победоносные войска и угадать, в чем кроется их победа. Смотры и ученья производились ежедневно; одно торжество сменялось другим. Однажды, после обедни, происходила раздача Высочайших наград: Суворов возложил на Великого Князя бриллиантовый крест св. Иоанна Иерусалимского; солдаты, подходя по очереди, становились на колени и получали из рук фельдмаршала знаки отличия. То же самое исполняли и австрийские офицеры.

К столу обыкновенно собирались все приезжие гости, причем Суворов бесцеремонно проделывал свои обычные причуды: кто не сказал «аминь» после молитвы «Отче наш», того приказывал обносить водкой; смотрел, чтобы никто не просыпал соли, декламировал финские стихи. Многие из гостей, привыкших к поварскому столу, не могли ничего есть, особенно в постные дни; если же ели в угоду хозяину, то принимали после лекарство. Под конец длинного и веселого обеда хозяин начал дремать; тогда Прохор толкал его без церемонии под бока, говоря: «Пора, сударь, спать!» — Таков был Суворов за столом, на людях. В кабинете же, занятый докладами и приказаниями, он был обыкновенно строг, сдержан, и тут со стороны подчиненных требовалось большое внимание к делу, чтобы не навлечь его гнева.

Народ итальянский полюбил Суворова; он уже наслаждался миром, добытым русской кровью, и с горестью узнал, что Суворов оставляет Италию, что он получил приказание выступить со всеми русскими войсками в Швейцарию. - Да, это была правда.

ШВЕЙЦАРСКИЙ ПОХОД.

Всё око Суворов воевал в Италии, англичане вошли в новый договор с Императором Павлом. По этому договору особый русский корпус должен был высадиться в Голландии, чтобы вместе с англичанами выгнать отсюда французов; Суворову же перейти из Италии в соседнюю Швейцарию, где присоединить к себе русский корпус

Римского-Корсакова, а также войска австрийцев, и соединенными силами, наступая на французов, вторгнуться во Францию. Как только австрийские министры узнали о заключении тайного договора, поспешили включить в него и Австрию, таким образом: швейцарскую армию, под начальством эрц-герцога Карла, перевести на Рейн, а вместо нее выставить другую, поменьше. Император Павел, не подозревая их тайных намерений, согласился. Намерение же их были таковы: закрепив за собой окончательно Италию занять в свою пользу и Голландию. В Италии служил им до сих пор помехой Суворов, действо-

вавший бескорыстно, согласно указаниям и рыцарскому образу мыслей своего государя. Его надо было удалить. Англичане тоже думали о себе: им хотелось уничтожить голландский флот, отбивавший у них торговлю, да, кроме того, они боялись, чтобы русские, овладевши приморским городом Генуей, не удержали ее в своих руках. Вот каковы были наши союзники. Но этого мало: как только прибыл из России корпус Римского-Корсакова, эрц-герцог Карл, не дождавшись Суворова, покинул Швейцарию и перешел на Рейн, тогда как по условию он должен был ожидать смены в равных силах. Едва его угоризовали оставить хоть небольшой отряд, 8 тыс., под начальством Готце. С удалением австрийцев, положение русского корпуса становилось опасным: 24 тыс. не могли защищать страну против 80 тыс. французов, да еще под начальством такого опытного вождя, каков был Массена. Французы, за время своего пребывания в Швейцарии, успели изучить страну, отлично приспособились к горной войне и являлись таким образом соперником сильным, опасным. Русские люди того времени смотрели на поступок эрц-герцога Карла как на измену; почти так же смотрел и наш Государь. Он стал опасаться за судьбу заброшенных войск и торопил Суворова спешить из Италии на выручку Корсакова.

Суворов мог выбрать для похода в Швейцарию два пути, хотя довольно кружных, но оба они вели на соединение с корпусом Корсакова и небольшими отрядами австрийцев, расположенных по р. Линте, дальше к Цюриху и за Цюрихом *). Здесь же, в этих местах, находился левый фланг Массены. Суворов выбрал третий путь, самый трудный, зато скорее всех сближавший его с французами, а именно — через высокий горный узел Сен-Готард, где находился их правый фланг. Сбивши здесь неприятеля, наш полководец рассчитывал пройти долиной р. Рейсы, обойти Люцернское озеро и выйти главным си-

*) Смотри карту военных действий Суворова в Швейцарии.

лам в тыл, в то время когда австрийцы и войска Корсакова ударять на них спереди. Офицеры австрийского генерального штаба обнадежили Суворова, что избранный им путь хотя и труден, однакоже возможен. После, как увидим, оказалось, что они говорили о том, чего не знали.

В конце августа Суворов выступил из Александре, и 4-го сентября был уже за полтораста верст, в Таверно. Колесный путь оканчивался, начинались горы, а, между прочим, обещанных австрийцами полутора тысячи мулов не оказалось. Великий Князь посоветовал пустить под выюки казачьих лошадей. Так и сделали: приспособили кое-как выючные седла, нашли 3 тыс. мешков и навьючили казачьих лошадей. Работа кипела днем и ночью; кроме продовольствие и боевых запасов, надо было навьючить горную артиллерию, все принадлежности, и на эту трудную работу ушло почти две недели дорогого времени, которого не наверстать. Только в день Рождества Богородицы мог выступить Розенберг, предназначенный в обход; корпус Дерфельдена, при котором находился сам Суворов, выступил двумя днями позже. В авангарде этого корпуса шел Багратион, за ним — дивизии Швейковского и Форстера — всего 22 батальона пехоты, 15 орудий; у Розенберга — только 10 батальонов и столько же орудий. На время похода войска получили особое приказание: каждой дивизии идти отдельной колонной, Имя впереди 25 казаков и 25 пионеров; в голове колонны — одно орудие. При виде неприятеля головным частям рассыпаться, взбираться на высоты, а прочим, не взирая на огонь, кидаться в штыки. — И французы готовились к встрече. До сих пор они имели дело с австрийцами — противником робким, нерешительным. Узнавши о движении Суворова, военный министр советовал Массене быть осмотрительным; в бою сохранять как можно долее резервы, бить большими частями, потому что русские стремительны в натиске и стойки в огне. Но Массена и сам понимал, что перед ним не австрийцы, простоявшие целое лето в бездействии.

Из Белинцоны Розенберг пошел в обход Сен-Готарда. Погода стояла отвратительная: дождь лил как из ведра, ветер прохватывал насквозь; ночи стояли сырые, холодные. Войска дрогли на биваках, на ночлегах, а переходы были назначены большие, суворовские, по 30 верст в сутки. Путь его шел через снежный перевал Лукманьер в долину Верхнего Рейна. Крутые спуски и подъемы, скользкие косогоры, беспрестанные переправы через горные речки, по колено и даже по пояс в воде, а тут еще дождь, пробиравший до нитки. Солдаты, выбиваясь из сил, падали, срывались с крутизны и погибали. Шли с рассвета до ночи, но не всегда находили на ночлеге хворост, чтобы обогреться; за два дня до Крестовоздвиженья корпус ночевал на самом перевале, где нельзя было достать ни лучины. Не смотря на это, войска, сделав в три дня 75 верст, вступили в назначенное время в Тавеч. На утро предстоял им бой.

Войска Дерфельдена шли долиной Рейсы. И там, и здесь солдаты не теряли ни на минуту обычной бодрости. Между ними ехал все тот же Суворов, на казачьей лошаденке, прикрытый легким плащом, известным под именем «родительского»; на голове круглая, широкополая шляпа. Сзади фельдмаршала тащился на казачьей же лошади швейцарец Антоний Гамма, старик 65 лет. В Таверно Суворов стоял у него на квартире и так полюбился старику, что тот бросил семью, свои дела и поклялся ни на шаг не отставать от фельдмаршала. Честный швейцарец сдержал свое слово: он сделал весь швейцарский поход, служба русским то проводником, то за переводчика.

Угрюмо смотрел Сен-Готард на дальних пришельцев при тогдашнем ненастье вид его был вдвойне суров и грозен. С нашей стороны поднималась вверх лишь извилистая тропинка, едва доступная для вьюков; местами она спускалась в обрывы, в глубокие и тесные ложбины горных речек и опять взвивалась круто вверх промежду утесов и скал. Горе путнику, которого застигнет в этих местах горная вьюга! Разве с вершины горы спустится вовремя монах с верною

собакой и успеют отрыть несчастного из-под снежных сугробов. Гору обороняли три французских батальона; войска то немного, но французы на каждом шагу находили такие позиции, где горсть стрелков могла остановить целую колонну. Накануне Воздвижение с утра было пасмурно, густые облака лепились по скатам гор, в воздухе стояла мгла. Войска колонны Дерфельдена, покинувши Дацио, разошлись в разные стороны. Князь Багратион взял вправо и стал взбираться на кручи; обойденные французы перешли здесь в отступление, но, отступая, пользовались каждым случаем, чтобы задержаться и бить своим губительным огнем. Швейковский и Форстер лезла с фронта; французы подымались, забирая все выше и выше. Их позиция на Сен-Готарде казалась неприступной: прямо перед носом торчали отвесные скалы. Русские отважно двинулись вверх; пули низали их на выбор, укладывали десятками: первая атака была отбита, — повели вторую. Несмотря на присутствие Суворова и Великого Князя, одушевлявших солдат, они не могли сделать того, что было выше сил человеческих; уже 1,200 трупов лежали распростертые перед облитыми кровью утесами, а позиция никак не дается. Суворов начинает бояться за войска Багратиона — их не видать! А они тем временем карабкаются с утеса на утес, без всяких тропинок, на глаз; солдаты упираются штыками, тащат друг дружку, становятся на плечи, проливают пота много, а подвигаются на пядь. Суворов ничего этого не знает. В 4 часа он повел третью атаку с фронта. В эту самую минуту, на правой стороне, на снежной вершине, показались богатыри Багратиона. Французы, как только их завидели, поспешно отошли: Сен-Готард остался в наших руках.

На вершине горы Суворова встретил престарелый настоятель монастыря, приютившегося здесь с давних лет для подания помощи погибающим в горах. Фельдмаршал просил прежде всего отслужить благодарственный молебен. Стоя на коленях, горячо молился Александр Васильевич о даровании победы заброшенным русским войскам, его любимому детищу. За тра-

пезой, состоявшей из вареного картофеля и гороха, Суворов был очень оживлен, много говорил с монахами, похваляя их христианский подвиг; он очаровал этих смиренных пустынных своим умом, ласковою речью, добротою души. В это время войска собрались, поотдохнули и стали спускаться с горы. Между тем к французам подошли подкрепления, прибыл начальника дивизии, Лекурб, и едва успел приготовить войска к защите деревни Гошпиталь, как узнал, что его тылу угрожают русские. Это был корпус Розенберга.

В день атаки Сен-Готарда Розенберг вышел из дер. Тавеча, имея в авангарде Милорадовича. Два французских батальона, занимавшие гору Криспальт, были сбиты дружным натиском наших колонн и спустились в беспорядке к дер. Урзерн, позади дер. Госпиталь. Лекурб, поднимаясь на Сен-Готард, оставил здесь про всякий случай резерв; французы стали готовиться к встрече. Наши войска успели, между тем, до наступления ночи собраться на вершине горы. Густые облака заволокли всю долину — они сверху не видели ни французов, ни деревни. Тихо стала спускаться вниз цепь егерей; за ней продвигались наугад колонны. По сигналу, боевая линия дала залп и бросилась в штыки на невидимого противника. Французы были озадачены, но не испуганы: они пытались защищаться. Однако их живо смяли спереди, охватили с флангов и заставили разбежаться: часть неприятеля скрылась в долину, а другая поднялась к Лекурбу. От них-то он и узнал о появлении у себя в тылу русских. Этот смелый генерал собрал остатки своего войска и, побросавши артиллерию в Рейсу, полез на скалистые, неприступные горы влево от Рейсы. Как дикие кошки карабкались в непроглядной темноте французские солдаты; они перевалили через гребень, высотой в $2\frac{1}{2}$ версты, и опять стали на пути Суворова, у дер. Гешенен. А войска Суворова и Розенберга ночевали на тех же местах, где их застала ночь, не подозревая, что они так близко одно от другого. Суворов принял бивачные

огни Розенбергова корпуса за французские, тогда как их давно не было. Только утром оба корпуса сошлись, и дальше двинулись вместе, долиной Рейсы. За версту от дер. Урзерн дорога врезается в скалу, в которой пробить ход, шагов 80 длины, 4 ширины; дальше дорога лепится по карнизу скалы и круто поворачивает на мост, известный под названием «Чортова моста». Он висит над пропастью сажен на 10 или на 11- внизу бешено рвется река, клубится пеной, перепадая с утеса на утес. За мостом дорога опять сворачивает вправо, переходить несколько раз с одного берега на другой и только у дер. Гешенен выходит на свет Божий из этой дикой, мрачной трещины. Впереди шел Милорадович. Как только голова колонны вступила в подземелье, спереди раздались выстрелы— ружейные и пушечные. Колонна остановилась. Полковник Трубников, с тремя сотнями охотников, стал взбираться вверх, в обход справа, а майор Тревогин, с двумястами егерей, спустился в самое ущелье Рейсы, перебрался через бурный поток по пояс в воде и начал карабкаться на горные выси левого берега. Трубников раньше показался над головами французов. Они испугались, бросили в Рейсу свою пушечку, но в это самое время их товарищи, бывшие по ту сторону моста, кинулись разбирать каменную кладку, на самом спуске. Таким образом французы, защищавшие подземелье, были отрезаны. Майор Мансуров ворвался в подземелье: одних сбросил штыками в Рейсу, другие сами туда кидались с утесов; никто не спасся. Однако мост оказался настолько разрушен, что перейти по нем не было возможности; кроме того, французские стрелки, рассыпавшись по берегу, били из-за каждого камня. Наши тоже рассыпались по скалам, на берегу: началась живая перестрелка; все ребра гор затянулись дымкой. Но вот с высот того берега начал спускаться с егерями Тревогин. Французы, завидя его, тотчас отступили. Сейчас же наши принялись за мост: натаскали бревен от бывшей по близости постройки; офицеры перевязали их своими длинными шарфами и первые же перешли

по зыбкой перекладине, перекинутой через бездну. Майор Мещерский, шедший впереди всех, получил смертельную рану, а казак, который следовал за ним, сорвался вниз головою: Дальше переправа шла уже безостановочно"; войска потянулись узкой лентой вправо, встречая по дороге трупы французов, убитых егерями Тревогина. Французы отступили к Альторфу, где, впрочем, не оказали большого сопротивления. На этом пути к русской колонне присоединился австрийский отряд, силою в 2 тыс. человек, под начальством генерала Ауфенберга. К удивлению Суворова и всех русских, у Люцернского озера дорога прекращалась: высокие отвесные горы стояли поперек пути, преграждая прямое сообщение со Швицом; озеро находилось в руках французов. Суворов, что называется, был приперт к стене — ни вперед, ни назад. Хотя Лекурб имел всего около 6 тыс., но он, конечно, не даст спокойно отступить к Сен-Готарду, да и вся эта дорога была теперь занята растянувшимися войсками. Бот в каком положении очутились русские, благодаря тому, что доверились австрийцам: назначая прямое движение к Швицу, они не знали, что берегом озера нет никакой дороги. Оставалось идти без дорог. С правой стороны в долину Рейсы открывается мрачное Шахенское ущелье, с тропинкой к верховьям р. Линты; были, правда, еще из этого же ущелья две тропинки на снеговой Ростокский хребет с перевалом в Муттенскую долину, но по этим тропинкам могли взбираться лишь смелые альпийские охотники, привыкшие с детства карабкаться по ледникам. Суворов выбрал именно этот путь, как более прямой и короткий: он рассчитывал, что раньше прибудет в Швиц, подаст помощь Корсакову и оставленным союзникам. Так мог поступить полководец, не только верный данному слову, но смелый, решительный, уверенный в своих войсках. В 5 час. утра 16 сентября тронулся Багратион, за ним — Дерфельден, потом австрийцы; в арьергарде — Розенберг. С первых же шагов дали себя знать альпийские горы: дикие, сумрачный, скалистая. Солдаты шли больше гуськом, то скользя по

голым камням или глине, то погружаясь в рыхлый снег. По временам голые ноги скользили; солдат цеплялся руками, карабкался на четвереньках, и хорошо если подвигался хоть малость вперед; мало-мальски заезвался — летит вниз, сбивая с пути задних товарищей. А дождь льет своим чередом; ветер рвет и мечет, пронизывая до костей продрогших солдат. — Боже сохрани, чего они тут ни натерпелись! Доберутся до площадки, остановятся отдохнуть, но разве это отдых? — Ни обогреться, ни обсушиться — идти, куда лучше. Шинелишки поистрепались, сапоги без подошв, ноги почти у всех голые! Французам куда было лучше: каждый солдат имел башмаки с гвоздями, а нашим никто их не припас. И провизия давно была истрачена; у редкого оставался запас муки или картофеля, да и лепешку-то испечь негде. Офицеры терпели больше, чем солдаты, потому что солдат все-таки запасливее. Милорадович съел на привале у одного солдата пригорелую лепешку, поблагодарил и прислал ему кусок сыру; а сыр наши солдаты невзлюбили, называя его «гнилью». Все капральство сложилось по сухарику, прибавали еще кусочек сухого бульона и отнесли в узелке генералу. Он не побрезговал, взял. — Все-таки и на альпийских утесах русский солдат оставался тем же, чем он был на равнинах Польши или в знойной турецкой степи. Как только стихал дождь и становилось полегче, солдаты ободрялись; затягивалась залихватская песня, гудели сопелки, играли рожки. Великий Князь сделал с авангардом целый переход пешком; Суворов то шел пешком, то садился на свою лошадку, постоянно оставаясь на виду у солдат. Случилось ему остановиться возле одной кучки, уж больно измученной трудным подъемом, — Суворов сам затынул: «Что с де-е-е-вушкой случилось, что с кра-а-сною случилось?» — Раздался дружный хохот, солдаты повеселели и пошли, напирая молодецкою грудью. Через 12 часов такого подъема авангард стал спускаться к дер. Муттен. Короткий путь обошелся дороже длинного: он был весь усеян трупами мулов и казацких лошадей; но солдаты, благодаря Бога, почти все уцелели. Этот

беспримерный поход поразил даже смелого Лекурба: он два раза атаковал арьергард Розенберга и потом оставил его в покое; весь вьючный обоз, под прикрытием казаков, успел без помехи втянуться в Шахенское ущелье и подняться на хребет. Вскоре по прибытии в Муттенскую долину Суворов получил страшные вести: Римский-Корсаков и австрийцы разбиты на голову под Цю-

Суворов пропускает мимо себя войска.

рихом, сильный французский корпус занимает вправо г. Гла-рис, Массена стягивает войска к Швицу. Это значило, что русская армия окружена, надежды на помощь — никакой.

Действие Массены были искусны и сохранялись в глубокой тайне. Имея под рукой 40 тыс., он переправил одну дивизию за Лимат, разрезал наши войска и припер их к Цюриху. Страшная резня на улицах Цюриха закончила двухдневное кро-

вавое побоище; солдаты спасались в одиночку, а весь обоз, парки, казна, канцелярия, 9 знамен, 26 орудий с зарядными ящиками достались неприятелю. Остатки корпуса отступили к Рейну. В то же самое время французы разбили возле Глариса австрийский отряд Готце, о котором уже было упомянуто; два прочие в страхе ушли сами. Массена знал цену времени: тотчас после поражения Корсакова спустился Люцернским озером к Альторфу и, узнавши, что Суворов уже прошел, вернулся опять назад, чтобы приготовить ему встречу в Швице и таким образом уловить всю нашу армию в западню. Массена был уверен, что Великий Князь и фельдмаршал будут у него в плену. Какое сопротивление могла оказать ему босая, оборванная и изнуренная армия — без полевой артиллерии и без патронов? — Самое ничтожное, по мнению Массены.

Фельдмаршал собрал военный совет. В бедную швейцарскую хижину вошли 10 генералов с Великим Князем Константином Павловичем. Суворов, бегавший по комнатке, остановился, окинул всех быстрым взглядом и начал говорить, торжественно, с одушевлением: «Корсаков разбит и прогнан за Рейн! Готце пропал без вести и корпус его рассеян! Прочие ушли! Весь план наш расстроен. Как некогда армия Петра Великого заведена была изменой к берегам Прута, так и теперь мы, среди гор, окружены сильным неприятелем. Что предпринять нам? Идти назад — постыдно: никогда еще не отступал я. Идти вперед к Швицу — невозможно: у Массены свыше 60-ти тысяч, а у нас нет и 20. К тому же мы без провианта, без патронов, без артиллерии... Помощи нам ждать не от кого... Мы на краю гибели!..» Сказавши эти тяжкие слова, старый фельдмаршал был убит горем; его душа страдала невыносимо. Он продолжал: «Теперь одна остается надежда на Всемогущего Бога, да на храбрость и самоотвержение моих войск. Мы — русские! С нами Бог!» — Встрепенулись все присутствующие. «Спасите честь России! Спасите сына нашего Императора!» С этими словами 70-ти-летний фельдмаршал бро-

сился к ногам Великого князя и залился слезами. Константин Павлович в смущении поднял Суворова, обнимал его, целовал и, сам рыдая, не мог сказать ни слова. И все присутствующее были потрясены до глубины души: испытанной храбрости полководец, с закаленной, как железо, волей, плакал как дитя! — Дерфельден первый пришел в себя и заговорил от имени прочих. Он ручался за неизменную храбрость и безропотную покорность всего войска: оно пойдет, куда бы ни повел его великий полководец. Солдаты и офицеры не посрамят русского оружия — если не одолеют врага силой, то лягут все до единого, со славой. — Раздался общий клик: «Не посрамят! Клянемся: все умрем!» Слова Дерфельдена, горячий дружный отклик генералов были истинным наслаждением для измученной великой души Суворова. Он оживился, глаза его снова заблестали: «Да, мы — русские: с помощью Божьей мы все одолеем!» — После этого начались совещания, на которых принять совет Великого Князя — пробиваться к Гларису. В тот же день выступили в авангарде австрийцы под начальством Ауфенберга; на другой день остальные войска; Розенберг получил приказание отбиваться, пока не спустятся с гор все наши выюки. Австрийцы благополучно перевалили через гору Брагель; но когда спустились в долину Кленталь, их так приперли французы, что Ауфенберг хотел уже сдаваться. Его выручил Багратион. Не смотря на усталость, русские войска сейчас же перешли в наступление. Два батальона пошли узенькой дорожкой вдоль озера Кленталь, два — немного левее, а один полк стал карабкаться на утесы еще левее; сам же Багратион взял вправо, чтобы угрожать левому флангу французов. Велико было их изумление, когда они услышали на обоих флангах дружное ура и увидели блеснувшие русские штыки. Генерал Молитор отвел их назад и засел за каменной церковной оградой: справа защищал французов высокий гребень горы, слева — озеро: позиция довольно сильная; и без того узенький путь спереди наполовину преграждался выступом скалы. Как только

австрийцы вышли из теснины, их встретили залпом; протиснулись русские, но также были отбиты. Несколько раз бросался Багратион в атаку — безуспешно. Спускалась ночь; войска были утомлены до крайности; атаку отложили до утра. В это время подошла дивизия Швейковского. Потихоньку, крадучись, несколько батальонов вскарабкались в темноте наверх и стали на спуске; храбрый полковник Цукато с пехотой и двумя сотнями пеших казаков забрался еще дальше, занявши утесы в головах французов. В таком положении ожидали рассвета. Незавиден был ночлег. Крупные капли холодного дождя падали в перемешку с хлопьями снега; туман, точно пелена, все застилал перед глазами; знобило; нестерпимый голод мучил солдат и офицеров. Костров не разводили; всю ночь никто не спал, а при малейшем шорохе французы осыпали градом пуль. Князь Багратион сидел прижавшись к скале: его мучила рана; кругом стояли солдаты: «Подождите только, немного подождите! Скажу: вперед! и дружно ударим! Пардона нет.» — «Слушаем, ваше сиятельство! Ох, как бы поскорее!» — В это время раздался чей-то голос: «Где князь Петр? Где князь Петр?» — Это был фельдмаршал в своей худенькой шинельке, обмокший, прозябший. — «Ради Бога, тише, ваша светлость!» сказал Багратион и потащил его к скале. — «Князь Петр! Я хочу непременно ночевать в Гларисе! И мне, и им холодно, голодно. Петр, непременно хочу ночевать в Гларисе!» — «Мы скоро будем там, ваша светлость», отвечал Багратион: «Ломоносов с гренадерами обойдет сзади, и как только даст залп, Дендригин ударит с гребня, а мы спереди. Головой ручаюсь — будете ночевать в Гларисе!» — Спасибо, князь Петр! Спасибо! Хорошо, помилуй Бог, хорошо!» И пошел тихо отец Александр Васильевич ночевать в овечий хлев, где ждал его Великий Князь.

Незадолго до рассвета Молитор послал в гору сильный отряд, но гора была уже в наших руках. Тогда французы дали по всей линии залп, и русские, не смотря на темноту, бросились вперед, сбили противника и гнали его верст шесть, не

давая опомниться. Французы потеряли 3 пушки, 2 знамени и 400 пленных. Баграцион остановился в д. Нетсталь, удерживая натиск французов, получивших подкрепление; в это время фельдмаршал отвел остальные войска в Гларис, очищенный неприятелем. Пока здесь половина русской армии пробивала себе дорогу, другая ее часть, под начальством Розенберга, защищала тыл перед грозными силами Массены. Розенберг имел всего 4 тыс., считая пеших казаков, три полка арьергарда еще не успели спуститься с ростокского хребта, так как наши выюки продолжали тянуться по горной тропе. 19-го числа, в 2 часа дня, показались французские колонны, имея впереди густые цепи стрелков. Наши отбили атаку, прогнавши их до самого Швица. Но это была только рекогносцировка; Массена хотел узнать силы русских. Решительный удар он готовил на завтра. К вечеру подтянулись выюки, спустился арьергард, так что у Розенберга собралось тысяч до семи; Массена имел в это время уже около 10 тыс. — Часов в 11 утра три французских колонны двинулись обоими берегами горной речонки; по скатам гор наступали застрельщики. Наш авангард стал отходить; храбрецы кидались из цепи, осаживая французских стрелков. Между тем Розенберг выдвинул свои главные силы, построил поперек долины в две линии и в таком порядке ожидал французов. Когда наш авангард раздался направо и налево, французы очутились перед грозным неподвижным строем. Их пехота начала развертываться в линии, артиллерия открыла пальбу; забили барабаны, заиграла музыка - французы повели атаку. Наши подпустили на ружейный выстрел, дали залп и, разом, с криком «ура!» бросились в штыки. Одно время французы были ошеломлены, местами открыли беглый огонь, но это колебание продолжалось недолго: дрогнул их центр, повернул спину, и началось бегство, бестолковое, поспешное. Русские батальоны рвались вперед, опережали друг друга, поражая французов в спины. Пять орудий было захвачено по пути, два орудия у выхода из ущелья, и эти орудия били своих же частыми

залпами. Французы могли устроиться только позади Швица, за 8 верст. Победа была полная, блестящая. Этою победою Розенберг спас русские войска — и свои, и те, что сражались перед Гла-рисом. Всю ночь шла уборка раненых, погребение убитых; неприятельские орудие и фуры были зарыты в землю. У убитых французов наши солдаты находили водку, вино, хлеб, сухари, а недалеко от Швица казаки нашарили в лесу несколько мешков с рисом, ящики с сыром, колбасою и вином. Эта счастливая находка позволила нашим разговестись: в авангарде сварили суп и похлебали горяченького. Розенберг послал приказание в Швиц заготовить продовольствие на 12 тыс. войска, а сам с раннего утра начал подыматься на гору Брагель, по следам Суворова. Массена, прождавши целый день, только вечером узнал, что в Муттене остались лишь раненые: Розенберг был уж далеко.

В то время, когда наши генералы обходили фронт без обуви, уже нельзя было думать о новых победах. С тоскою в сердце Суворов решился для спасение армии отступить на Рейн. Только великая нужда могла заставить его позабыть о своих союзниках, хотя они сами позорно бросили русские войска. Ночью с 23 на 24-е сентября русские войска выступили к г. Иланцу. Поперек пути пролегал высокий горный хребет. Еще не успел выючный обоз втянуться в теснину, замыкавшую долину р. Линты, как французы начали преследование. Но в арьергарде шел князь Петр. Наш маленький отряд, совсем без артиллерии, сберегая каждый патрон, то кидался в штыки, то стоял неподвижно, выжидая противника на близкий ружейный выстрел. Солдаты дрались отчаянно; они забывали, что отступают, и часто зарывались далеко вперед, больше, чем следовало. За время боя в арьергарде, главные силы успели уйти к Эльму, верст за 20, и здесь расположились на ночлег; авангард Милорадовича продолжал идти дальше, открывая путь через снеговой хребет. У Эльма наши всю ночь ждали нападения: французы были наверху, на утесистых горах, а русские стояли

поперек долины, занимая оба берега реки. Солдаты отдыхали по очереди, если можно назвать отдыхом такое время, когда ждешь неприятеля каждую минуту — вот-вот насядет сверху. Снег падал густыми хлопьями, ветер резал лицо, рвал лохмотья. После полуночи войска снялись и верст за 5 от Эльма полезли в гору. Одна узенькая дорожка пролежавшая по косогору, местами приближалась к отвесной круче, местами спускалась в промоины. В начале подъема наши вязли по колено в грязи, но чем выше поднимались, тем больше погружались в снежные сугробы. Вьюга. заносила свежий след; каждый человек прокладывал себе свою тропу и чуть отступался — летел в бездну. С высоты гор слышались глухие раскаты грома; сквозь густой туман блистала молния; огромные камни, срывааемые бурей, катились с грохотом вниз, грозя встречным смертью. Никакими словами нельзя описать того, что вынесли наши генералы, офицеры и солдаты — босые, изнуренные голодом, тяжкими трудами и душевными муками. Орудие побросали в бездны; более 300 вьюков погибло. В то время, когда Милорадович успел перевалить через вершину, остальные войска только подбирались к ней. Солдаты выбились из сил: кто падал прямо в снег, кто уселся на камне, иные забились под скалы — так и ночевали, пока не рассвело. К несчастью заохлодало. Мороз крепчал больше и больше: многие отморозили себе ноги, руки; многие уснули вечным сном, накануне спасения. На другой день вечером, после тяжелого спуска, на котором покалечились оставшиеся мулы, русские войска достигли Иланца, на берегу Рейна. Тут они обогрелись, отдохнули и перешли в городок Кур, где уж нашли во всем изобилие. Скоро были забыты тягости похода! Мгновенно русский лагерь оживился: пришлось чинить обувь, «справлять» аммуницию, чистить заржавевшие ружья; отдохнувшие солдаты шутили над минувшим горем, распевали удалые солдатские песни. — Таков был конец швейцарского похода. Он прославил русское войско больше, чем самая блестящая победа. Зброшенная в глубь Альп, наша маленькая армия

16 дней боролась с непогодой, дикими, неприступными горами и дралась везде, где только встречала неприятеля. Смело проходили наши солдаты с артиллерией и вьюками там, где ступала нога только привычного охотника. По несколько дней они оставались без провианта и братски делились с офицерами теми крохами, которые находили в ранцах убитых французов. А сколько раз, дрожа от стужи, перебирались вброд через быстрые горные потоки! Промокшие до костей, они были застигаемы снегом или вьюгой; мокрая одежда покрывалась ледяной корой, и при всем том - ни малейшего ропота, ни единой жалобы! Правда, ругали непогоду, ругали французов, а пуще всего — австрийцев, но уныния, безнадежного отчаяния — никто не видел. Доставалось и Суворову. Раз на походе, взбираясь па кручу, солдаты кричали: «Старик наш выжил из ума; Бог весть куда завел нас!».. Фельдмаршал, ехавший недалеко, услышал это и, обернувшись к своей свите, громко сказал: «Как они хвалят меня! Помилуй Бог: так точно они хвалили в Туречине и Польше!» — Солдаты рассмеялись, готовые в эту минуту броситься за отца-Суворова хоть в Чертову пропасть.

Спасение русских войск Государь Император поставил Суворову в величайшую заслугу, почему пожаловал ему звание генералиссимуса и повелел воздвигнуть в честь его памятник; Великий Князь Константин Павлович получил титул Цесаревича, а все прочие участники - щедрое воздаяние за свои труды и доблести.

